

И. Н. Ионов

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МАКРОИСТОРИИ. СТАТЬЯ 1. ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД?*

В статье анализируется динамика развития макроистории в 1990–2010 гг. Сопоставляются ранние и более поздние работы крупнейших историков, работающих в этой области. Показано, что в макроистории произошло два серьезных сдвига – сначала от универсализма и европоцентризма в сторону постколониальной критики, а затем – к новому европоцентризму, к пренебрежению достижениями постколониальной критики. Показано, что эти изменения связаны с «процессом цивилизации», как его понимают социологи школы Норберта Элиаса, с переходом от эпохи информализации 1960–1970-х гг. к эпохе реформализации 1980–2010-х гг. Современная мировая и глобальная история сильно отличаются от всеобщей истории середины XX в., хотя зарождавшийся диалог редуцирован к сравнению сильнейших глобальных центров, например, Запада и Китая.

Ключевые слова: мировая история, глобальная история, процесс цивилизации, информализация, реформализация, истеблишмент, ориентализм, субалтерн, ментальные карты.

В начале один абзац о словоупотреблении. В современной макроистории существует четкое представление о рубеже, который перешло это направление знаний в 1970–1990-е гг. Но в разных странах эти процессы сильно отличались, накладывались на разные историографические традиции, на несовпадающие смыслы понятий. Проще всего было в США, где национальная история господствовала до 1990-х гг. и всемирная история (*World history*) отчетливо противостояла ей во времени. Она также противопоставлялась всеобщей истории (*Universal History*) в ее библейском варианте от Сотворения мира, с ее сильной метафизической нагруженностью. Глобальная история (*global history*) и особенно новая глобальная история ассоциировались с отдельным направлением исследований, связанным с ее пониманием Брюсом Мазлишем¹. Во Франции всемирная история (*histoire mondiale*) как направление исследований четко отличается от глобальной или тотальной истории (*histoire globale*) как особого подхода, предполагающего целостный, междисциплинарный подход к явлениям прошлого, связанный с традицией Ф. Броделя. Н. Копосов, следующий французской традиции, представ-

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13–06–00301а).

¹ Manning. 2003. P. 14; Mazlish. 1993. P. 1-2.

ляет глобальную историю прежде всего как наследие марксизма и советской историографии и подвергает ее жесткой критике². Однако российской историографической традиции ближе не американский или французский, а *немецкий* подход. Это объясняется вековой традицией ориентации на немецкий историзм, усиленной влиянием марксизма, который придал российской макро-истории совершенно особые формы. Поэтому для дистанцирования от традиции XIX в. нам, как и немцам, трудно опираться на понятия всеобщей истории (*Allgemeine Geschichte*) или даже всемирной истории (*Weltgeschichte*), которое употребляли Г.В.Ф. Гегель, Л. Ранке и К. Маркс и которые не дают возможности обозначить особенности современной макроистории. Для такого дистанцирования нам, как и немцам, удобнее понятие «глобальная история» (*Globalgeschichte*), которое не несет таких «проблематичных коннотаций», как универсальная история³, не несет и представления о тотальности, как во Франции и сближается с понятиями международной (*international*), транснациональной (транслокальной) и транскультурной истории. Этой немецкой традицией наименования новых тенденций в макро-истории я и буду пользоваться в данной статье⁴.

Появление глобальной истории тесно связывается историографами, такими как Патрик Мэннинг и Доминик Заксенмайер, с процессами 1960–1980-х гг., то есть *лингвистическим, историческим, антропологическим, культурным, транснациональным, пространственным поворотами* в истории, с кризисом европоцентрического и нациецентрического исторического знания, «сверхупрощенной» теории модернизации и тотальной деконструкцией сциентистских предписаний историку в отношении интерпретации времени, пространства, причинно-следственных отношений, роли репрезентации, соотношения предпосылочного и фактуального знания. Результатом были полицентризм и мультиперспективизация исторического знания, сетевое мышление и ориентация на обратные связи, признание права каждой группы населения на свою собственную глобальную историю, оптика которой приобретала поэтому фасеточный характер⁵. На эти процессы влияла как деколонизация,

² Копосов 2005. P. 110–111, 125–127, 139; 2011. P. 80.

³ Sachsenmaier 2011. P. 158.

⁴ См. также Ионов 2012. С. 134–136.

⁵ Manning 2003. P. 150, 265–300, 375–376; Sachsenmaier 2011. P. 13, 132, 160.

Поэтому сближение глобальной и универсальной (линейно-стадиальной, сциентистской, универсалистской) историй нуждается в объяснении. См.: Универсальная... 2012. О соотношении содержания и предписаний исторического знания будет подробно рассказано во второй статье.

стимулировавшая становление альтернативных точек зрения на историю, так и глобализация, со своей стороны подрывавшая европоцентризм и национальные рамки традиционных историографий. Крупнейшую роль в этом процессе сыграли субалтерные исследования и постколониальная критика, проблематизировавшие социальное знание и его отношение к глобальному доминированию и власти, разбившие «железный ящик» западных концептов (прогресс, модернизация, рационализация) и предложившие собственный путь репрезентации прошлого неевропейского мира. Это была *история снизу*, открыто ориентированная на *аутсайдеров* и подрывавшая культурную гегемонию истеблишмента (прежде всего американского). На этой основе развернулась гигантская работа по переосмыслению истории мира⁶.

Наиболее ярким *противоречием* развития макроистории в конце XX – начале XXI в. является странное попятное движение, очевидное для всякого наблюдателя. Если в начале 1990-х гг., в эпоху своего становления, глобальная история прямо опиралась на достижения разнообразных «поворотов» и постколониальную критику, то в 2000-е гг. мы наблюдаем существенный отход от этих достижений, возвращение к старому. Появилось осознание того, что радикальные планы развития исторического знания утопичны. Стала важной защита некоторых традиций. Так, ведущий современный историограф Георг Иггерс и Эдвард Ван пишут, что отказ от европоцентризма ограничен стремлением защитить процедуры рационального исследования⁷. Насколько масштабным было отступление, можно отчетливо видеть и на примере двух книг, созданных историком, профессором Массачусетского технологического института Б. Мазлишем в соавторстве с исследователями, представлявшими очень разные тенденции в историографии.

Глобальная история «снизу»: Мазлиш и Буултъенс

Наиболее влиятельные проекты глобальной истории, в которых участвовал Б. Мазлиш, представлены в двух сборниках статей, 1993 и 2005 г. издания. Первый, «Концептуализируя глобальную историю», создан Мазлишем и Ральфом Буултъенсом и представляет глобальную историю как форму исторического познания и одновременно — исторического сознания, «новую перспективу, сознание и дисциплину»⁸. Мазлиш во Введении обозначил несколько ее важнейших особенностей.

⁶ Sachsenmaier 2011. P. 51-52; Young 2003; Иггерс, Ван 2012. С. 36-37. См. также: Ионов 2009. С. 33-60.

⁷ Иггерс, Ван 2012. С. 37.

⁸ Mazlish 1993. P. 3-4.

Во-первых, это преодоление рамок национальной истории и обновление восприятия национального государства как важной формы социального действия. Во-вторых, это противостояние прогрессистской и телеологической (*whiggish*) всеобщей истории, где все линии нарастания свободы и просвещения ведут к определенной цели — например, либеральной демократии. В связи с этим Мазлиш критикует концепции М. Вебера и К. Маркса. Существует «множество форм глобального опыта, т.е. столкновений между локальными ситуациями и... давлением сил глобализации», а потому не может существовать «единственной глобальной истории». Тем самым создание глобальной истории требует возникновения коммуникативного сообщества или *интеллектуальной сети*, в которую будут входить историки, имеющие разные идентификации и принципиально различные взгляды на предмет⁹.

Особую роль для формирования глобальной истории играет проблема идентичности. Мазлиш подчеркивает, что человек имеет целый ряд *идентичностей*, как член семьи, племени, нации, и наконец человечества. Эти идентичности могут быть иерархизированы в зависимости от решения индивида, за какую группу он хотел бы умереть. Однако являются ли эти идентичности реальными или воображаемыми? Есть ли исконные, *примордиальные* по своей природе, существующие до всякого осознания символические связи и идентичности, о которых писали Ф. Тённис и К. Гирц? Или они являются исходными для каждого отдельно человека, как писали А. Хобен и Р. Хефнер? Мазлиш рассматривает такие формы идентичности, как этничность и национализм, подчеркивая, что они часто являются реакцией на травмы и унижения, размывающие чувство собственного достоинства. «Одно микроисторическое исследование за другим показывают, что ключевой фактор подъема этнической или национальной идентичности – это чувство унижения. Если члены группы чувствуют себя оскорбленными или униженными, их самоуважение размывается. В ответ они становятся самоуверенными и претендуют на то, чтобы выглядеть особенными, высшими, обряжаются в ризы уникальности и идентичности»¹⁰.

Глобальная история поэтому – это поле *преодоления исторического унижения, поле диалога*. В рамках чистого универсализма она просто не может состояться. Поэтому Мазлиш предлагал проект глобального определения времени, основанный на взаимодействии христианского и исламского календарей, а также глобальной географии,

⁹ Ibid. P. 5.

¹⁰ Ibid. P. 12-14, 16-17.

освобожденной от воздействия национальных, имперских и колониальных ментальных карт, принижающих роль незападного мира; планировал создание пространственных моделей, основанных на лингвистическом, этническом или религиозном делении, которые дают совершенно особое, многослойное представление о размещении групп людей. Здесь Мазлиш максимально сближается с постколониальной критикой¹¹. Он признает ее историческую оправданность в качестве «культурной ипостаси глобальной эпохи» и ее родство с постмодернизмом как проявлением антиколониального движения. М. Фишер показал, – пишет Мазлиш, – что постмодернизм «является отчасти следствием алжирской революции. Теоретики постмодерна во Франции вышли из поколения людей, родившихся в Алжире, учившихся там и сформировавшихся политически на опыте алжирской борьбы за независимость... Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар, П. Бурдьё... Постмодернистская теория исторически родилась в мусульманском мире Северной Африки и затем была быстро признана и развита в мире мигрантов из Индии – Х. Бабой, С. Рушди, Г. Спивак – и в других частях ранее колониального мира»¹².

Какие выводы делались на основе этого замечания, можно видеть на примере статьи соредатора сборника Р. Буултьенса «Глобальная история и “третий мир”». На ней влияние постколониальной критики отразилось особенно сильно. Она одновременно развивает и проблематизирует проект Б. Мазлиша. Отправной точкой для Буултьенса служит *цивилизационный подход*, воплощенный в анализе специфики западных воззрений на историю. Он развивает мысль О. Шпенглера о том, что только для западной культуры существование Афин, Флоренции и Парижа более важно, чем существование таких городов, как Лоян в Китае и Паталипутра в Индии. По мнению Буултьенса, именно сопоставление мировых культур как равных позволило Шпенглеру совершить тот коперниковский переворот в историческом знании, который подготовил появление глобальной истории: перейти от представления о Западе и Востоке как центре и периферии мира – к образу *мира-как-истории* или подлинной глобальной истории. В центре процесса глобализации для Буултьенса находится «глобальное видение» как специфическое человеческое свойство, совмещающее универсалистские представления и планетарное действие начиная с древности (прежде всего в области религии и исследований природы). Это един-

¹¹ Ibid. P. 19.

¹² Ibid. P. 115-118.

ство, по его мнению, заложено уже в Библии, но лишь в XX в. стало лейтмотивом истории. Население Земли не делимо на нации, передовых и отсталых, оно функционирует как единое глобальное сообщество – результат развития технологий, прежде всего транспорта и коммуникаций. Телевизионная спутниковая связь в этом смысле приравнивается Буултьенсом по исторической значимости к изобретению земледелия, как основа глобализации экономики и политики. Для каждой страны важно участие в ООН, в мировой политической системе. Все меньше государств придерживаются политики автаркии. Изоляция государств, в отличие от XIX в. перестала быть желанной¹³.

Распространение экологических взглядов и идеи прав человека, единых универсальных стандартов и ценностей приводит к двойственным последствиям. Ширится убежденность, что необходимо проложить *множество путей* к глобализации как «позитивной новой цивилизации». Но глобализация может способствовать и распространению негативных тенденций, включая глобальную экономическую эксплуатацию и распространение высокотехнологичного оружия. Глобализация – не идеал, она ценностно амбивалентна. Ее требуется направлять. «Таким образом, глобальное сознание есть фактор, необходимый, чтобы направить глобализацию в сторону создания более высокой цивилизации»¹⁴. В сущности, Буултьенс смыкается здесь с признанием Мазлишем ключевой роли этики в становлении новых форм самоидентификации и коммуникации, в диалоге цивилизаций и эпистемологии истории. Вслед за Шпенглером Буултьенс вводит понятие «плюрального исторического сознания», так как этика глобализма должна соизмеряться с разными культурно обусловленными формами политического и культурного сознания у разных народов. Особенно это важно для «третьего мира», пространственно и по численности населения преобладающего на планете и сделавшего многое для планетарного прогресса. «Таким образом, развитие новой... истории требует раскрытия значения существенной части истории “третьего мира” и ее интеграции в глобальную историю». Для этого необходим диалог западных и местных форм сознания, воплощенных в образах истории. Лишь этот путь соответствует потребностям «новой глобализированной цивилизации»¹⁵.

Эта цель, по Буултьенсу, достигается за счет релятивизации существующих форм исторического сознания, в частности: 1) соединения

¹³ Buultjens. 1993. P. 71-73.

¹⁴ Ibid. P. 73.

¹⁵ Ibid. P. 74.

привычных научных векторных представлений о времени с азиатско-африканской традицией, не связанной с понятиями порядка, целостности и прогресса; 2) взаимодействия национально-государственного самосознания с расовым, культурным и религиозным, более привычным в III мире; 3) учета маргинальных политических взглядов, в частности близости III мира к марксизму и религиозно окрашенному наступательному традиционализму; 4) признанию важности гендерной проблематики; 5) переоценке факта упадка науки в прошлом незападного мира, что может быть связано с временными факторами («темные века»); 6) внимания к религиозной проблематике, в частности к зависимости Запада от восточных религиозных центров; 7) осознания важности проблематики миграций с глобального Юга и Востока на Запад; 8) переоценки века Великих открытий в связи с мореходным опытом Китая¹⁶.

Результатом такой трансформации будет «честное равновесие свидетельств». Но это не решает всех проблем. «Что возможно более важно, – писал далее Буултгенс, – так это то, что любая осмысленная глобальная история должна также столкнуться с установленными понятиями и предрассудками (*preconceptions*), которые глубоко укоренены в историческом сознании как западного общества, так и общества “третьего мира”». В результате этого столкновения возникают важные вопросы историографии и техники исторического исследования, которым посвящена значительная часть его статьи. Главный вопрос в связи с этим – соотношение глобальной истории и западной истории человечества. Поскольку «в глобальной истории опыт “третьего мира” является существенным элементом, глобальная история в этом отношении резко расходится с западной историей», которая рассматривала «незападный мир как вторичный и примитивный». Ее задача – разрушать предрассудки и упрощения. Путь к этому Буултгенс видит в деконструкции понятия «прогресс» и в последовательной критике теории модернизации, которая представляет собой специфически западное явление, неразрывное с позитивным представлением о западной цивилизации¹⁷.

По мнению Буултгенса, доктрина прогресса изначально ущербна, так как западная цивилизация не сумела выработать общие принципы для анализа отношений людей внутри и вне Запада, а, следовательно, не способна создать и продуктивный образ *незападного прогресса*. По словам Ф. Аджани, применение арбалета в схватках европейских рыцарей было запрещено еще в начале XII в., однако он успешно применялся в

¹⁶ Ibid. P. 75-76, 78-81.

¹⁷ Ibid. P. 82-83.

походах крестоносцев. Эта политика *двойных стандартов* сохранилась и была воспроизведена в XX в. при использовании США атомных бомб в Японии. Такая внешняя политика основана на близоруком нарциссизме. Однако Дж. Киркпатрик, рейгановский посол при ООН в 1989 г. утверждала, что «наши моральные стандарты гораздо более высоки, чем любые другие»¹⁸. Такой подход, замечает Буултьенс, не учитывает то, что «в прошлом было больше прогресса в незападных обществах, чем на Западе», причем Восток был способен поддерживать прогресс в течение более длительных периодов, как в древнем Китае. Европоцентризм не считается с успехами демократии в Индии и Шри Ланке, с экономическими успехами стран Восточной Азии. «Одномерное отношение» к прогрессу и попытки объяснить восхождение Запада к современному его доминированию *из истории самого Запада* не учитывают мировой контекст этого явления. Гордыня Запада в результате порождает неприятие Востока, что ведет к реакции и регрессу¹⁹.

Возвращаясь к понятийному аппарату, Буултьенс подчеркивал, что понятие «третий мир» не соответствует контексту глобальной истории. Оно описывает Африку, большую часть Азии, Ближний Восток как некую *культурную целостность*, как территории, в меньшей степени подверженные влиянию модернизации. Глобальная история невозможна при противопоставлении истории Запада, «третьего мира», континентальной истории Европы (что характерно для Англии) и т.п. Это выражается в возникшем еще в XIX веке делении на всеобщую историю, востоковедение и антропологию, суть которого – разница предписаний при историческом изучении отдельных регионов. Ликвидировать это противопоставление можно лишь в диалоге, двигаясь с двух сторон и сопоставляя полученные данные. Изучение истории других народов с позиции когнитивного доминирования часто порождает сопротивление, когда оно предстает «вторжением, особенно потому, что цель такого изучения сейчас, как и в прошлом – стремление подчинять, доминировать, клеветать, эксплуатировать». Предпосылка написания глобальной истории – это «забота о Другом и создание атмосферы доверия», чтобы убедить оппонента, что мы хотим знания, а не осуществляем новый этап колонизации²⁰.

В итоге Буултьенс различает при создании глобальной истории четыре возможных подхода: 1) конструирование глобальной истории

¹⁸ Kirkpatrick 1989.

¹⁹ Buultjens 1993. P. 84-85.

²⁰ Ibid. P. 86-87.

на той же ценностной базе, которой пользовались для описания истории в прошлом (сохранение всеобщей истории); 2) стремление к освобождению от ценностной нагруженности историописания (идеал профессионального сообщества историков); 3) создание глобальной истории с нескольких ценностных позиций, при условии четкого обозначения каждой (вариант *перекрестной истории*, как его обозначили позднее М. Вернер и Б. Циммерманн); 4) создание новой глобальной ценностной базы до или в процессе написания глобальной истории²¹.

В сущности, это методология, служащая для преодоления колониальной травмы исторической памяти и создания теоретических предпосылок для достижения *полноты* знания о прошлом, достигаемой при помощи сочетания глобальной и множества региональных и исследовательских перспектив на основе поэтапной смены вектора восприятия и описания. Ее внутренняя предпосылка – актуализация и рефлексивное освоение историком всего многообразия своих идентификаций и своего опыта (“перекрестная история”). В итоге образуется история глобального сообщества во всей сложности ее истоков и перспектив (“связанная” или “разделяемая история” – *shared history*).

Глобальная история «сверху»: Мазлиш и Айрийе

Однако в начале XXI в. произошел сдвиг во взглядах самого Мазлиша, характеризующий вместе с тем важные процессы в общественном сознании Запада. В результате осуществления проекта 1993 года глобальная история стала популярным брендом, который широко использовался в трудах по мировой и всеобщей истории. Многие из них носили явный отпечаток постколониальной критики, который многим уже не казался привлекательным. Поэтому Мазлиш ограничил поле исследований второй половиной XX и началом XXI века, обозначив предмет своих занятий как «новая глобальная история». Начался его отход от *антропологического и исторического поворотов*, частичное возвращение к всеобщей истории. Мазлиш стал призывать к холистскому подходу к глобализации и прямо опираться на достижения А. Смита, К. Маркса, Ф. Энгельса и М. Вебера, которых он ранее критиковал, а теперь называл предтечами идеи глобального мира. Появляется противопоставление им современной историографии и восприятия прошлого в традиционных культурах (которое не принимал еще А. Дж. Тойнби). Набор цитируемых авторов становится более консервативным. Самоуверенность Б. Мазлиша питает его объективизм. Он

²¹ Ibid. P. 89; Вернер, Циммерманн 2007.

настаивает, что его идея новой глобальной истории является прямым результатом действия сил глобализации²².

Сдвиг во взглядах Мазлиша наиболее ярко отражает «Хрестоматия по глобальной истории», созданная под редакцией Б. Мазлиша и другого ученого старшего поколения – Акира Айрийе (профессора американской истории Гарварда, специалиста по истории Второй мировой войны и интернациональной истории, работающей на границе политической истории и культурной)²³. В паре с Айрийе Мазлиш выглядит более консервативным и буржуазным, но также – более защищенным и готовым к отпору леволиберальной критике. После событий 2001 г. для многих американских историков, стремящихся выражать интересы истеблишмента, стал важным образ США как *гегемона модернизации*, лидера военной и информационной революции, чья деятельность определяет мощь глобальных рынков капитала и возникновение новых технологий. Единственным соперником США является мировой терроризм. Война с терроризмом – это, по мнению историков, уникальный феномен, принципиально непонятный вне контекста новой глобальной истории. При этом интерпретация глобализации как американизации (кроме стремлений отдельных американских политиков) категорически отрицается, подчеркивается непоследовательность внешней политики США. Сохраняются представления об идеалах гибридности (не-целостности) и синкретичности (нецентрированности) глобального пространства. Историки призывают проводить различие между партийными и объективными характеристиками глобализации. Но критерии этого различия не приводятся.

Мазлиш и Айрийе заявляют о готовности отойти от черно-белой картины мира, описывать его более сбалансированно, учитывая переливы теней, пересечения линий и полей, постколониальные идеалы гибридности и синкретизма. Они учитывают сочетание универсализации и локализации в глобальных процессах, позитивную роль мультикультурализма. Отрицая интерпретацию глобализации как гомогенизации мира, они дистанцируются от телеологизма и детерминизма классической теории модернизации. Наряду с традиционными приметами глобализации Мазлиш и Айрийе указывают на роль новой глобальной идентичности и трансформацию повседневной жизни, которая в перспективе может стать наиболее значимой характеристикой глобализации. Они готовы признать право на существование за широким кругом современ-

²² Mazlish 2014.

²³ The Global... 2005.

ных феноменов, вплоть до антиглобализма, в котором видят «жизненную составляющую самой глобализации... необходимую поправку некоторых эксцессов полностью нерегулируемого капитализма»²⁴.

Но предмет новой глобальной истории при этом максимально сужается, так что из него выдавливается масса мировоззренческих и методологических подходов и проблем, связанных с колониализмом и империализмом, истоками глобальных кризисов, историей эпидемий и миграций, прорывов границ локального. Они вытесняются в область *мировой истории*, если не относятся к событиям последних 50 лет. Подвергается ревизии отход от национальной истории и воссоединение историй Запада и Востока. Из числа классиков новой глобальной истории выводятся регионалисты – «в прошлом специалисты по азиатской и африканской истории» (такие как И. Валлерстайн)²⁵. Тем самым проводится зримая граница между постколониальными исследованиями, миросистемным подходом, антропологизацией истории – и новой глобальной историей.

Знания в области методологии у Мазлиша и Айрийе заметно устарели, при этом объективистский и детерминистский настрой укрепился по сравнению с прошлыми работами Мазлиша. Целью познавательной деятельности остается «новый мир», глобализация как прогрессивный, целенаправленный линейный причинно-следственный процесс, в котором надо постоянно учитывать, «что является новым, а что – старым». Он носит некоторые черты утопии. Формируются нормативные оценки, причем «плохая» глобализация связывается с борьбой против гегемонизма США. «Антиглобализм подпитывается предательством собственных принципов глобализации»²⁶. Такое видение истории далеко расходится с позицией *исторического поворота* как движения против телеологии и детерминированности истории. Оно не совпадает и с более ранней точкой зрения Мазлиша, с его критикой линейности и телеологичности всеобщей истории. Правда, историки оговариваются, что описание тенденций не есть телеология, но это звучит не совсем искренне. К ним самим можно обратить замечание об опасности «перепутать идеал и практику»²⁷.

Гораздо большее значение для глобальной истории стали играть сюжеты интернациональной истории – международные отношения и проблема суверенитета. Глобализация ставит под сомнение компетен-

²⁴ Mazlish 2005. P. 3-5, 6, 10.

²⁵ Ibid. P. 10-11.

²⁶ Ibid. P. 2-3, 5, 9, 10.

²⁷ Ibid. P. 10, 11.

цию национальных государств и уменьшает их роль за счет роста роли «интернационализма», т.е. идеала «международного сообщества» – союзничества великих государств. Мазлишу и Айрийе важно поднять престиж этой формы интернационализма, которая считалась к началу XXI века «вышедшей из моды», а потому недооцененной в условиях глобализации. При этом как идеал глобализации, так и ее конкретные проявления противостоят, по их мнению, империализму, как традиционному, «старомодному», который «больше невозможен», так и экономическому, который противоречит «движению глобализации». Даже идеи культурного или консьюмеристского империализма кажутся им упрощенными. Историки противопоставляют идею трансформации собственной культуры – теории культурного заимствования (*reception theory*). Здесь они готовы идти довольно далеко, отходя от идеи всеобщей истории – до сочетания идей гомогенности и гетерогенности, как в транснациональной истории. Но целью освобождения стран от колониальной зависимости им представляется не столько возможность саморазвития, сколько «их свободное участие в процессе глобализации»²⁸.

Сам Мазлиш в статье «Глобальная история и мировая история» занимает несколько иную, но тоже консервативную позицию. Он продолжает борьбу за самоопределение новой глобальной истории, стремясь сделать ее образы максимально догматичными за счет деконструкции понятийного аппарата мировой истории. Продолжается отделение новой глобальной истории от истоков глобалистики, особенно традиции 1950–60-х гг. Неприемлемой для Мазлиша оказывается идея «плюральной глобальности» Д. Слейтера и практически все релятивистские варианты ее развития, которые и сформировали глобалистику 1980–90-х гг.²⁹ В круг отвергаемых входят миросистемный подход как в варианте Ф. Броделя, так и в вариантах классиков глобалистики И. Валлерстайна и Дж. Абу-Лугод, анализ трансквицизационных взаимодействий, которые изучали антропологи Р. Линтон и Р. Редфилд, и по их следам – У. Макнил, а также экуменические представления А.Дж. Тойнби³⁰. Однако Мазлиш по-прежнему против деления народов на цивилизованные и нецивилизированные, на своих и «иных», против выделения «варваров», то есть низших народов, которые не фигурируют в глобальной истории. Последняя составляющая глобального сообщества описывается как «народы, менее развитые в данный момент»³¹. Истоки этой «меньшей

²⁸ Ibid. P. 5-6.

²⁹ Валлерстайн 2006. С. 231-247.

³⁰ Mazlish 2005. P. 17.

³¹ Ibid. P. 20.

развитости» историка принципиально не интересуют. Запад, как и прежде, выступает «действующей причиной» глобальной истории.

В статьях А. Айрие новая глобальная история еще сильнее связана с традициями международной жизни и всеобщей истории XIX – начала XX в., хотя им и предполагается ряд нововведений, прежде всего изменение состава взаимодействующих и изучаемых институтов, а также в области методологии исследований. В отличие от текста Введения, глобализация в своей традиционной форме у него *связана с империализмом*; это понятие нагружено цивилизационной символикой XIX века: глобализация прорывает национальные границы, осуществляя «проникновение в “нецивилизованные” части мира сил “цивилизации”». Это классический образ «цивилизационной миссии» западных колонизаторов. Айрие представляет XX столетие как “век интернационализма” и в целом характеризует его положительно. Травматические эпизоды колониализма, геноцида, тотальной войны либо не упоминаются, либо сглажены. Айрие вслед за Р. Фальком признает «хищность» характера глобализации, который необходимо контролировать, но считает «интернационализм» (в частности, создание правил ведения войны) движением в этом направлении. Образ *интернационализма по-имперски* у него получается отлакированным и благостным, неразрывно связанным с идеей мира (он подается в восприятии такого сомнительного персонажа, как Г. Эрве).³²

В целом чтение большинства статей этого сборника заставляет вспомнить книгу Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» о новом посттоталитарном и постбинарном мироустройстве, основанном на усвоении постмодернистских принципов мышления, но неизменно ориентированном на угнетение, использующем для этого сетевую власть и открытые постколониальными критиками инструменты мимикрии, амбивалентности, гибридизации, фрагментированных идентичностей. Эта власть превосходит старые региональные империи гибкостью, силой и способностью манипулировать деятельностью людей³³. Правда, у Мазлиша и Айрие образ мира менее футуристичен. По меркам XXI века он скорее традиционен: более узок, центрирован и иерархичен, детерминирован, выстроен из предписанной пространственной и теоретической перспективы, история имеет отчетливо презентистский и телеологический характер (вплоть до принципиальной защиты презентизма)³⁴.

³² Iriye 2005^b. P. 182-190; Iriye 2005^a. P. 202-208.

³³ Hardt, Negri 2000.

³⁴ Manning 2003. P. 269.

При анализе этой реакционной тенденции в историческом знании вспоминаются и другие поразительные факты, например, превращение левого немецкого историка Х.-У. Вейлера в ксенофоба, прикрывающегося цивилизационной риторикой, чтобы доказать, что культурная плюрализация представляет собой угрозу, а ислам несовместим с просвещенческими идеалами Запада (при этом он игнорировал хорошо известное отношение И.В. Гёте к мусульманскому Востоку)³⁵. Кажется, что время повернулось вспять. Возникает вопрос: неужели мировая революция 1968 года, с которой И. Валлерстайн связывал возникновение глобальной истории, превратилась в мировую реакцию³⁶?

Глобальная история и «процесс цивилизации»

Однако сводить причины подобной эволюции глобальной истории к последствиям событий 2001 года представляется неоправданным. Объяснить более глубокие корни подобных процессов поможет обращение к одной из традиций макроистории – концепции «процесса цивилизации» Норберта Элиаса, а также к идеям его преемников, прежде всего голландского социолога Каса Вутерса. В центре внимания последнего – нелинейные, разнонаправленные и циклические явления в “процессе цивилизации”, как его понимал Элиас. Вутерс сосредоточил свои усилия на изучении “процесса цивилизации” в конце XIX–XX вв. и выявил сложную динамику – несколько циклов роста и падения интереса к фиксации норм цивилизованного поведения. Он выделил помимо отмеченной Элиасом тенденции к “формализации” поведения, которую тот обнаружил в придворном обществе XVI–XVIII вв., периодически возникающую обратную тенденцию к *информализации* поведения, т.е. постепенного снятия контроля и самоконтроля за поведением. Она является реакцией на издержки и тупики «процесса цивилизации», который, помимо прочего, ведет к дистанцированию цивилизованных верхов общества от масс и к появлению невротичного зависимого сознания у слоев общества, ориентирующихся на нормы цивилизованного поведения аристократии, но не получающих от нее позитивной оценки своего стремления стать цивилизованными. Элиас называл порожденное зависимым сознанием невротичное, экстравагантное, а порой и опасное поведение «левантинизмом»; впоследствии утвердилось понятие «боваризм»³⁷.

³⁵ Sachsenmaier 2011. P. 141.

³⁶ Валлерстайн 2006. С. 73.

³⁷ Ионов 2013. С. 140-143; 2014. С. 125-128.

Информализация поведения наиболее ярко обнаруживается, по мнению Вутерса, на протяжении трех периодов: “Конец века” (*Fin de siècle*) 1890-х гг., “Ревущих двадцатых” (*Roaring Twenties*) 1920-х гг. и того, что он называл “Революцией самовыражения” (или экспрессивной революцией – *Expressive revolution*) 1960–1970-х гг. Эти процессы связаны с эпохами экономического расцвета, массового благосостояния и с социальной модернизацией – вторжением в элиту общества массы нуворишей и других поднимающихся групп бывших аутсайдеров, разрушающих привычные нормы поведения, введенные истеблишментом в «процессе цивилизации». Очередное «скептическое поколение» (нигилисты и декаденты на рубеже XIX–XX вв., женщины-суфражистки и профсоюзные лидеры 1920-х гг., борцы с колониализмом и за гражданские права, феминистки, рокеры и хиппи 1960-х гг.) задает молодежи нормы поведения, казавшиеся еще вчера девиантными. Они определяют повестку дня в культуре, обществе и во многом – в политике. Им стремятся подражать, идентифицируют себя с бывшими аутсайдерами. Сначала это затрагивает узкий слой молодежи мировых столиц, потом – массы населения по всему миру. Реабилитируется биологическая сущность человека и эмоции, ранее трактовавшиеся как “низкие”. Левые идеи общности социальных интересов подрывают и заменяют идеал общности национальных интересов, третируемый в эти эпохи как проявление «рабской ментальности». Идеи превосходства любого рода – расового, национального, экономического – теряют массовую поддержку. Границы между истеблишментом и аутсайдерами стираются. Последние вдруг становятся первыми³⁸.

Для периодов информализации, по Вутерсу, характерно развитие коллективной эмансипации и сопутствующих ей коммуникативных стратегий, рост ценности конфликта, революционные движения, разрушение социальных и расовых иерархий и вызывающее поведение, маркирующее инаковость, ставшую абсолютной ценностью. Часто оно носит оскорбительный характер для носителей традиционной культуры. Но эта непримиримость – лишь инструмент для преодоления господства истеблишмента и навязанных им форм мышления и отношений, для перехода к более прагматичным и гибким формам мировоззрения и способам урегулирования конфликтов, для утверждения ценностей взаимного доверия, близости, интимности отношений, особенно в семье, рефлексивности и компромисса³⁹.

³⁸ Wouters 2007. P. 167-170, 174-175, 187.

³⁹ Ibid. P. 6, 14, 77, 88, 109, 119, 146, 198, 220.

Разрушение предписанной истеблишментом картины мира затрагивает и область исторического знания. Именно в эти периоды появляются первые попытки деконструкции и релятивизации нормативных образов прошлого. Рушатся театральные декорации дешевой «исторической истины», продукта фабричного производства (Э. Трельч) предыдущего периода⁴⁰. Конечно, эти прорывы не всегда строго совпадают по времени с эпохами информализации, но связаны с ними идейно. Так, разделение науки и гуманитарного знания начинается на рубеже *Конца века*, в 1880-е гг. В. Дильтеем; зачатки антропологического поворота и исторического релятивизма в целом можно видеть начиная с рубежа XIX–XX вв. в деятельности отца американской антропологии Ф. Боаса. *Ревущие 1920-е* гг. открываются зачатками исторического и пространственного поворотов у О. Шпенглера, продолжаются подъемом школы Ф. Боаса и завершаются уже в 1930-е гг. возникновением истории идей у А.О. Лавджоя, первыми попытками ориентироваться во множестве исторических парадигм безотносительно к их «научности» и «объективности» и созданием «реляционизма» К. Маннгеймом, а также релятивизацией ключевого для XIX века понятия «цивилизация» Н. Элиасом. Наконец, *Революция самовыражения* обрушивает на историков кризис исторического знания в полной его силе: исчезает вера в универсальные методологии и модернизацию, переходят в наступление постмодернизм, деконструкция, борьба с мастер-нарративом. Различные стратегии трансконцептуализации национальных историй, темпорализации и спационализации, реконцептуализации, плюральной перспективизации и репрезентации, интерпретации и контекстуализации получают свои права и врастают в плоть исторической эпистемологии. Они прямо связаны с интересом к аутсайдерам («история снизу», гендерная история, постколониальная критика, особенно субалтерные исследования). Глобальность рассматривается как поле взаимодействия концептуальных и дискурсивных миров, между которыми идет диалог⁴¹.

Однако процесс информализации не вечен и обратим. По мнению Вутерса, обычно он продолжается до очередного экономического и (или) политического кризиса, когда напуганное угрозой нищеты население вновь объединяется вокруг истеблишмента, идентифицирует себя с его лидерами (вплоть до фюрера) и начинается *реформализация*, возрождение интереса к изучению формальных норм поведения и усвоению связанных с ними психологических установок. Вновь при-

⁴⁰ Osterhammel 2010. S. 15.

⁴¹ Sachsenmaier 2011. P. 39, 50, 170.

обретают власть ценности дисциплины и порядка, строгости и иерархии, реабилитируется чувство безопасности, которое дают хорошие манеры. Ценятся нормативные самоидентификации, инаковость вызывает подозрения. Реформализация характерна для начала XX века, 1930–1940-х гг., она происходит и сейчас, в 1980–2010-е гг. Аутсайдеры теряют политический вес и сохраняют авторитет лишь в областях искусства, прежде всего молодежной моды. Идея национальных интересов вновь становится господствующей, а вместе с ней ценности смирения и консенсуса. Популярны элитистские, правые, националистические и имперские идеологии, открытая ксенофобия, исключаящая возможность самоидентификации с Иными. Крайним вариантом формализации поведения являются сведение права и справедливости к полной формальности, выходы за пределы правового поля во внутренней и внешней политике и возникающие на волне национальной консолидации мировые войны⁴².

Наиболее ярко влияние реформализации на историческое сознание и знание проявляется в империях, особенно тоталитарных, таких как Германия, Япония и СССР. История как форма массовой пропаганды родилась накануне Первой мировой войны. В 1930-е гг. нормативные исторические предписания в качестве единой и вечной исторической истины стали защищаться всей мощью карательного механизма государства. В Германии появилась «народная история» (*Volksgeschichte*), в СССР – история формаций, революций и борьбы классов. Возникли сакрализованные книги по отечественной истории, заучиваемые наизусть, как Краткий курс истории ВКП(б) (1938)⁴³. Отсутствие возможностей критики довольно быстро приводит подобную триумфалистскую историографию к произвольному ограничению поля исторического исследования и уровню фальсификаций, который я бы назвал «летальным». Эти области знания со временем просто выпадают из исторической традиции.

Однако такие тупиковые формы историографии встречаются не всегда. Обычно речь идет о частичном отступлении аутсайдеров и о попытках примирить позиции истеблишмента и возникшую историческую традицию. Ситуация складывается неблагоприятная. Угасает глобальный диалог, несмотря на уверения в заинтересованности в нем. Нарастает академический дисбаланс между западными и незападными странами. Колониальные страны и Африка в целом вписываются в ев-

⁴² Ibid. P. 31, 106, 206, 213-214; 171-174, 176-197.

⁴³ Краткий... 1942.

ропоцентристский нарратив, как у А. Диопа в 1950-е гг., а после их освобождения создается странный симбиоз мифологизированной истории национальных государств и европоцентризма, проявляющегося в идеале нации-государства. Возникают сомнения в валидности и значимости местных национальных традиций в Турции, Иране, Китае, Индии. Изобретаются «негативные» традиции национальной истории. Ориентализм распространяется на Восточную Европу и Россию, проникая и в местное историческое сознание. Западная история признается единственной, призванной к универсализации, а западному историческому опыту придается парадигмальное значение как мере любого другого исторического опыта. Идея множественности различных равных по значимости центров исторической мысли оказывается неосвоенной⁴⁴.

В последние десятилетия, утверждает Вутерс, достижения предыдущей эпохи информализации не были полностью утрачены, неформальная молодежная культура сохранила свои позиции, утвердилась мысль о легитимности сопротивления элитизму и неравенству, произошло уменьшение социальной и психической дистанции между истеблишментом и аутсайдерами, полами и поколениями, возникли и сохраняются смешанные культурные коды, идеалы и идентификации⁴⁵. Однако человеческая психология многообразна. Далеко не всем свойственна рефлексивность – гибкое и осмысленное отношение к своим природным импульсам и поведенческим нормам общества (Вутерс называет это «третьей натурой» человека). Обычно все ограничивается первыми двумя: инстинктивными импульсами («первая натура») и автоматически действующими конформистскими нормами поведения («вторая натура»). Результат – зависимое сознание, неумение разобраться в себе, неспособность адекватно анализировать окружение. Свойства собственной личности, воспринимаемые как негативные (иррациональные), проецируются при этом на низшие классы и иностранцев, в пределе рассматриваемых как нелюди. По отношению к *Иным* данный тип личности (его вслед за Э. Фроммом можно назвать авторитарным), проводит политику избегания и исключения «социального заражения», эмоционального неприятия и презрения, «самоотстранения», а также стратегию манипулирования чувствами превосходства и приниженности⁴⁶. Именно его влиянием в конечном счете определяется отступление от достижений теории истории и историографии XX века.

⁴⁴ Sachsenmaier 2011. P. 13, 30, 40-43, 157.

⁴⁵ Wouters 2011. P. 141-145.

⁴⁶ Wouters 2007. P. 21, 24-25, 36, 186, 197-221.

Глобальный диалог внутри глобального истеблишмента

При этом мера отступления от завоеванного очень различна. Есть работы, в которых разрушение идеалов постколониальной критики малозаметно. Это, например, книга Дж. Бентли, Г. Циглера и Х. Стритс «Традиции и встречи: Краткая глобальная история» (2008). Периодизация избрана таким образом, чтобы дать место для истории всех стран и прежде всего — для истории их взаимодействий между собой. Крупнейшие страны мира: Франция, Великобритания, Германия, США, Китай (в меньшей мере Индия и Россия) упоминаются с примерно одинаковой частотой. Большое значение уделяется структуре глобального пространства, побуждавшей людей к тем или иным действиям. В частности, завоевания кочевых народов представлены как путь к *евразийской интеграции*, дается высокая оценка роли Китая в мореплавании и международной торговле, а модернизация Европы показана как следствие глобальных изменений⁴⁷. В описании европейской культуры дается подробная характеристика мифологем властизнания как дискурса господства⁴⁸. В число исторических деятелей, упоминаемых в текстах, сопровождающих главы, входят мифические персонажи, политические деятели, классики культуры, путешественники, чиновники, солдаты, рядовые люди из самых разных стран⁴⁹. Но уже здесь заметно стремление авторов опираться на письменные традиции мировых цивилизаций.

Эта тенденция становится особенно заметной в трудах историков, в значительной мере приверженных идеалу универсализма, таких как Й. Рюзен, Ю. Остерхаммель и Г. Иггерс. Они проявляют особое внимание к Китаю как стране с наиболее яркой культурной и историографической традицией⁵⁰. В книге «Преображение мира. История XIX века» (2009), которую Ю. Кокка назвал одной из самых важных за последние десятилетия, Ю. Остерхаммель (китаист по образованию) сравнивает представления о памяти, времени и пространстве прежде всего в европейской и китайской (а также японской) культурах. При этом, что особенно важно, речь идет о взаимном восприятии, о метагеографическом конструировании ментальных карт, имеющих политическое значение (например, понятия «Запад», которое возникло только в 1830-х гг. или

⁴⁷ Bentley, Ziegler, Streets 2008. P. 157-176, 216-222, 227, 267-284, 335-398.

⁴⁸ Ibid. P. 532, 538-546, 556-557, 584.

⁴⁹ Ibid. P. 109, 328-330.

⁵⁰ Rösen 2007.

«Дальний Восток»)⁵¹. Эта релятивизация ключевых исторических понятий помогла Остерхаммелю, опираясь на достижения исторического и пространственного поворотов, избежать ловушек универсальной периодизации и нормативного понятия пространства. Он выступает против «слепой по отношению к содержанию» периодизации, за «периодизацию, ориентированную на содержание» и выбирает не время последовательностей (факт за фактом), и не время эпох, а *время трансформаций*. Остерхаммель изучает «пространственную семантику» исторических понятий и очень осторожно относится к понятию «мировое сообщество», считая его конструкцией XX века. Обращаясь к разным теоретическим и практическим аспектам жизни мира в XIX веке, он каждый раз заново конструирует время и пространство, выбирая стратегию темпорализации или спационализации в соответствии с предметом исследования и познавательной перспективой⁵².

И все же для Остерхаммеля XIX век – это прежде всего «европейский век» (при полном понимании многозначности понятия «Европа»), еще точнее – век Великобритании и Франции. Субъектом мировой истории выступают мировые империи, интересы которых движут науку. Для Остерхаммеля остается главным веберовский вопрос: как Европа смогла стать в авангарде мира? Он прокламирует свою близость к подходу Кр.А. Бейли в книге «Рождение современного мира. 1780–1914 гг. Глобальные связи и сравнения» (2004), которую историк правых взглядов Н. Фергюсон в свое время назвал «настоящим шедевром». Но характерен сдвиг интересов: если индолог Бейли поставил в центр исследования национализм, религии и телесные практики, то Остерхаммель – экологию, международную политику и науку. Он ориентирован на центростремительные, конвергентные силы и процессы в истории, сущностную одновременность явлений; Бейли, наоборот, пространственно дивергентен, его подход ближе постмодернизму – децентрирующий, горизонтальный, ветвящийся, лишенный иерархичности, он сосредоточен на индивидуальных феноменах и интерпретирует их в глобальном контексте. Бейли ориентирован на диалог с постмодернистами и постколониалистами⁵³. Для Остерхаммеля доминирование и подчинение, иерархия власти и власть-знание – это реальности мира, которые нужно признавать и изучать. Но при всем этом, игнорируя постколониальный

⁵¹ Osterhammel 2010. S. 26-27, 86, 88, 90, 94, 99, 101, 104, 107, 110, 113-114, 116, 134, 137, 140 и далее.

⁵² Sachsenmaier 2011. P. 160; Osterhammel 2010. P. 84-88, 138-140.

⁵³ Bayly 2004. P. 8, 9.

подход (который он считает утопическим), Остерхаммель старается занять центристскую позицию между экуменизмом и триумфалистской исключительностью Европы, пытается выяснить, что сближало ее с остальным миром, а что разделяло⁵⁴. Такая стратегия была оправдана в 2001 г., когда он пытался защищать симметричное положение наблюдателя против асимметричного, дивергентное против конвергентного и частичное сравнение против тотального. Однако эта стратегия очевидно слаба после критики М. Вернера и Б. Циммерманн⁵⁵.

Специфика эволюции исследований по глобальной истории ясно видна на примере книги Г. Иггерса и Э. Вана «Глобальная история современной историографии» (2008). С одной стороны, по ней видно, что фронт откатился к положению 1970-х гг.: не оправдавшими ожидания историков признаются как *теория модернизации*, не сумевшая предсказать негативные последствия экономической модернизации в политической, социальной и культурной областях, так и *постмодернизм с микроисторией*, оказавшиеся неспособными описать широко-масштабные процессы глобализации и «принять во внимание институциональный контекст культуры и повседневной жизни»⁵⁶. Спор оказался застопоренным в равновесной позиции, подвешенным в воздухе. Надежда на победу одной из позиций оказалась утопичной. С другой стороны, сохраняется понимание важности анализа разных темпоральностей и специализаций, постановка проблем осуществляется скорее в рамках постмодернистской, а не позитивистской модели, но этот анализ реализуется, как правило, применительно не ко всем культурам, а в основном к мировым цивилизациям: в данной книге это западная (с фрагментами российской), китайская, арабо-исламская, индийская (и в довесок – Юго-Восточная Азия)⁵⁷.

Глобальный диалог в духе *Realpolitik* во многом свелся к диалогу внутри истеблишмента политических сил, определяющего мировое развитие. Его цель – не столько преодоление травмы, закрывающей от нас прошлое, и возможно большая полнота знания, сколько полнота учета интересов держав, претендующих на политическое и культурное влияние. Тем не менее, проблематика «поворотов», особенно *транснационального, исторического и пространственного*, в значительной степени сохранена и изучается на конкретном материале. Все это за-

⁵⁴ Osterhammel 2010. S. 16-19.

⁵⁵ Osterhammel 2001. S. 47-66; Вернер, Циммерманн 2007. С. 64.

⁵⁶ Иггерс, Ван 2012. С. 427-428.

⁵⁷ Там же. С. 430-431.

ставляет верить в перспективу преодоления отступления на новом витке истории. Некоторые перемены на историческом фронте оказались необратимыми и не зависимыми от идеологических пристрастий авторов. Они-то и создают плацдарм для движения вперед.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
- Вернер М. Циммерманн Б. После компаратива: Histoire croisée и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59-90.
- Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии / Пер.с англ. О.В. Воробьевой. М.: Канон, 2012. 432 с.
- Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 33-60
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6. С. 134-149.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 3 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 138-153.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 4 // *Общественные науки и современность*. 2014. № 6. С. 123-140.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: ОГИЗ, 1942. 352 с.
- Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: НЛЮ, 2005. 320 с.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. 248 с.
- Универсальная и глобальная история. Эволюция вселенной, земли, жизни и общества. Под ред. Л.Е. Гринина, И.В. Ильина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2012. 688 с.
- Bayly C.A. *The Birth of the Modern World, 1780-1914: Global Connections and Comparisons*. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2007. XXIV, 540 p.
- Bentley J.H., Ziegler H.F., Streets H.E. *Traditions and Encounters: A Brief Global History*. Beijing: Peking University Press (reprint edition), 2008. 675 p.
- Buultjens R. *Global History and the Third World // Conceptualizing Global History*. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 71-92.
- The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. x+302 pp.
- Iriye A. The Role of International Organizations // *The Global History Reader*. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^a. P. 182-190.
- Iriye A. Internationalism // *The Global History Reader*. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^b. P. 202-208.
- Kirkpatrick J.J. *New York Times*. 1989. April 15.
- Manning P. *Navigating World History: Historians Create a Global Past*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 384 p.
- Mazlish B. *An Introduction to Global History // Conceptualizing Global History*. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 1-24.

- Mazlish B.* Global History and World History // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 16-20.
- Mazlish B., Iriye A.* Introduction // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 1-14.
- Mazlish B.* The New Global History (URL: <http://toynbeeprize.org/wp-content/uploads/2014/03/mazlich-the-new-global-history1.pdf>).
- Osterhammel J.* Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2001. 384 S.
- Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck, 2010. 1570 S.
- Rüsen J.* Crossing Cultural Borders: How to Understand Historical Thinking in China and the West // History and Theory. 2007. Vol. 46 (2). P. 189-193.
- Sachsenmaier D.* Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. New York: Cambridge University Press, 2011. 331 p.
- Wouters C.* How Civilizing Processes Continued: Towards an Informalization of Manners and a Third Nature Personality // Norbert Elias and Figurational Research: Processual Thinking in Sociology / N. Gabriel and S. Menell (eds.) Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. vi + 271 p. P. 140-159.
- Wouters C.* Informalisation: Manners and Emotions since 1890. London: Sage Publications, 2007. 270 p.
- Young R.J.C.* Postcolonialism. A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 178 p.

REFERENCES

- Bayly C.A.* The Birth of the Modern World, 1780-1914: Global Connections and Comparisons. Malden, Oxford, Carlton: Blackwell, 2007. XXIV, 540 p.
- Bentley J.H., Ziegler H.F., Streets H.E.* Traditions and Encounters: A Brief Global History. Beijing: Peking University Press (reprint edition), 2008. 675 p.
- Buultjens R.* Global History and the Third World // Conceptualizing Global History. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 71-92.
- Iggers G., Van E.* Globalnaya istoriya sovremennoy istoriografii [Global History of Modern Historiography] / Per.s angl. O.V. Vorobevoj. M.: Kanon, 2012. 432 s.
- Ionov I.N.* Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii [Global History and the Study of Russia's Past]. Statya 2 // Obschestvennye nauki i sovremennost. 2012. no 6. S. 134-149.
- Ionov I.N.* Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii [Global History and the Study of Russia's Past]. Statya 3 // Obschestvennye nauki i sovremennost. 2013. no 5. S. 138-153.
- Ionov I.N.* Globalnaya istoriya i izuchenie proshlogo Rossii [Global History and the Study of Russia's Past]. Statya 4 // Obschestvennye nauki i sovremennost. 2014. no 6. S. 123-140.
- Ionov I.N.* Novaya globalnaya istoriya i postkolonialniy diskurs [New Global History and Postcolonial Discourse] // Istoriya i sovremennost. 2009. no 2 (10). S. 33-60
- Iriye A.* Internationalism // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^a. P. 202-208.
- Iriye A.* The Role of International Organizations // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005^b. P. 182-190.

- Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (Bolshevikov). Kratkiy kurs. [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks)] M.: OGIZ, 1942. 352 s.
- Kirkpatrick J.J. New York Times. 1989. April 15.
- Koposov N.E. Hvatit ubivat koshek! Kritika socialnih nauk [Will be Enough to Kill Cats! Critic of the Social Sciences]. M.: NLO, 2005. 320 s.
- Koposov N.E. Pamyat strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii [Memory of a High Security. History and Policy in Russia]. M.: NLO, 2011. 248 s.
- Manning P. Navigating World History: Historians Create a Global Past. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 384 p.
- Mazlish B. Global History and World History // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 16-20.
- Mazlish B. The New Global History (<http://toynbeeprize.org/wp-content/uploads/2014/03/mazlich-the-new-global-history1.pdf>).
- Mazlish B., Iriye A. Introduction // The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. P. 1-14.
- Mazlish B. An Introduction to Global History // Conceptualizing Global History. Mazlish B. and Buultjens R. (eds.). Boulder: CO: Westview Press, 1993. P. 1-24.
- Osterhammel J. *Geshichtswissenschaft jenseits des Nationalstaats. Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2001. 384 S.
- Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München: C.H. Beck, 2010. 1570 S.
- Rüsen J. Crossing Cultural Borders: How to Understand Historical Thinking in China and the West // History and Theory. 2007. Vol. 46 (2). P. 189–193.
- Sachsenmaier D. Global Perspectives on Global History: Theories and Approaches in a Connected World. New York: Cambridge University Press, 2011. 331 p.
- The Global History Reader. Ed. by B. Mazlish, A. Iriye. New York, London: Routledge, 2005. x+302 pp.
- Universalnaya i globalnaya istoriya. Evolyuciya vselennoy, zemli, zhizni i obschestva [Universal and Global history. Evolution of the Universe, Earth, Life and Society]. Pod red. L.E. Grinina, I.V. Ilina, A.V. Korotaeva. Volgograd: Uchitel, 2012. 688 s.
- Wallerstein I. Mirosystemniy analiz: vvedenie [World-System Analysis: An Introduction]. M.: Territoriya buduschego, 2006. 248 s.
- Werner M. Zimmermann B. Posle komparativa: Histoire croise i vizov refleksivnosti [After comparative: Entangled History and the Challenge of Reflexivity] // Ab Imperio. 2007, no 2. C. 59-90.
- Wouters C. Informalisation: Manners and Emotions since 1890. London: Sage Publications, 2007. 270 p.
- Wouters C. How Civilizing Processes Continued: Towards an Informalization of Manners and a Third Nature Personality // Norbert Elias and Figurational Research: Processual Thinking in Sociology / N. Gabriel and S. Mennell (eds.) Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. vi + 271 p. P. 140-159.
- Young R.J.C. Postcolonialism. A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 178 p.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; cih@igh.ru

Problems of Modern Macrohistory.

Article 1. Step Forward, Two Steps Backwards?

The article presents an analysis of the development of macrohistory in 1990–2010s. Its results are compared with earlier and later works by the best experts working in this field. It is shown that there were two serious shifts in macrohistory – at first from universalism and Eurocentrism towards post-colonial criticism, and then – to the new Eurocentrism, neglecting achievements of post-colonial criticism. It is shown that these changes are connected with "the process of civilization" as sociologists of school of Norbert Elias understand it, with transition from an era of informalization 1960s–1970s by an era of reformation 1980s–2010s. The world and global history today strongly differs from general history of the middle of the XX century but the project of macrohistory is reduced to a dialogue of the strongest global centers, for example, of the West and China.

Keywords: world history, global history, process of civilization, informalization, reformation, establishment, orientalism, subaltern, mental maps.

Igor Ionov, candidate of historical sciences, senior research fellow of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; cih@igh.ru